

Предисловие «Полки»

*Один из самых известных русских романов
о любви, который противопоставил сатире
идеализм и закрепил в культуре архетип
тургеневской девушки.*

Кирилл Зубков

О ЧЕМ ЭТА КНИГА?

«Дворянское гнездо», как и многие романы Тургенева, строится вокруг несчастной любви. Двое главных героев — переживший неудачный брак Федор Лаврецкий и юная Лиза Калитина — встречаются, испытывают друг к другу сильные чувства, но вынуждены расстаться: оказывается, жена Лаврецкого Варвара Павловна не умерла. Потрясенная ее возвращением Лиза уходит в монастырь, Лаврецкий же не хочет жить с женой и всю оставшуюся жизнь занимается хозяйством в своем поместье. В то же время в роман органично входят повествование о жизни русского дворянства, складывавшейся на протяжении последних нескольких сотен лет, описание отношений между разными социальными условиями, между Россией и Западом, споры о путях возможных реформ в России, философские рассуждения о природе долга, самоотречения и моральной ответственности.

КОГДА ОНА НАПИСАНА?

Тургенев задумал новую «повесть» (писатель не всегда последовательно различал повести и романы) вскоре после окончания работы над «Рудиным», первым своим романом, опубликованным в 1856 году. Замысел был воплощен далеко не сразу: Тургенев, против своего обыкновения, работал над новым большим произведением несколько лет. Основная работа была проделана в 1858-м, а уже в начале 1859-го «Дворянское гнездо» было напечатано в некрасовском «Современнике».

КАК ОНА НАПИСАНА?

Сейчас проза Тургенева может показаться не такой эффектной, как произведения многих его современников. Это связано с особым местом тургеневского романа в литературе. Например, обращая внимание на подробнейшие внутренние монологи героев Толстого или на своеобразие толстовской композиции, для которой характерно множество центральных героев, читатель исходит из представления о некоем «нормальном» романе, где есть центральное действующее лицо, которое чаще показывается со стороны, а не изнутри. Именно тургеневский роман сейчас и выступает в качестве такой «точки отсчета», очень удобной для оценки литературы XIX века.

Современники, однако, воспринимали тургеневский роман как очень своеобразный шаг в развитии русской прозы, резко выделяющийся на фоне типичной беллетристики своего времени. Проза Тургенева казалась блестящим образцом литературного идеализма: ее противопоставляли сатирической очерковой традиции, которая восходила к Салтыкову-Щедрину и в мрачных красках рисовала, как крепостное право, чиновничья коррупция и общественные условия в целом разрушают жизни людей и равно калечат психику угнетенных и угнетателей. Тургенев не старается уйти от этих тем, однако подает их в совершенно ином духе: писателя в первую очередь интересует не формирование человека под воздействием обстоятельств, а скорее его осмысление этих обстоятельств и реакция на них.

При этом даже сам Щедрин — далеко не мягкий и не склонный к идеализму критик — в письме к критику Павлу Анненкову

Павел Анненков. 1887 год.
Гравюра Юрия Барановского
с фотографии Сергея Левицкого.
Анненков дружил с Тургеневым,
а также был первым биографом
и исследователем творчества
Пушкина

восхищался тургеневским лиризмом и признавал его общественную пользу:

Сейчас прочитал я «Дворянское гнездо», уважаемый Павел Васильевич, и хотелось бы мне сказать Вам мое мнение об этой вещи. Но я решительно не могу. <...> Да и что можно сказать о всех вообще произведениях Тургенева? То ли, что после прочтения их легко дышится, легко верится, тепло чувствуется? Что ощущаешь явственно, как нравственный уровень в тебе поднимается, что мысленно благословляешь и любишь автора? Но ведь это будут только общие места, а это, именно это впечатление оставляют после себя эти прозрачные, будто сотканые из воздуха образы, это начало любви и света, во всякой строке бьющее живым ключом и, однако ж, все-таки пропадающее в пустом

пространстве. Но чтоб и эти общие места прилично высказать, надобно самому быть поэтом и впадать в лиризм.

КАК ОНА БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА?

«Дворянское гнездо» стало последним большим произведением Тургенева, опубликованным в «Современнике». В отличие от многих романов этого времени, оно целиком поместилось в одном номере — читателям не пришлось ждать продолжения. Уже следующий роман Тургенева, «Накануне», увидит свет в журнале Михаила Каткова «Русский вестник», который в экономическом отношении был конкурентом «Современника», а в политическом и литературном — принципиальным противником.

Разрыв Тургенева с «Современником» и его принципиальный конфликт со старым знакомым Некрасовым (который, впрочем, многие биографы обоих писателей склонны чрезмерно драматизировать) связаны, судя по всему, с нежеланием Тургенева иметь что-нибудь общее с «нигилистами» Добролюбовым и Чернышевским, которые печатались на страницах «Современника». Хотя оба радикальных критика никогда не отзывались о «Дворянском гнезде» плохо, причины разрыва в целом понятны из текста тургеневского романа. Тургенев считал, что именно эстетические качества делают литературу средством общественного воспитания, тогда как его оппоненты скорее видели в искусстве орудие прямой пропаганды, которую с тем же успехом можно вести и прямо, не прибегая ни к каким художественным приемам. К тому же Чернышевскому вряд ли понравилось, что Тургенев

опять обратился к изображению разочарованного в жизни героя-дворянина. В посвященной повести «Ася» статье «Русский человек на rendez-vous» Чернышевский уже объяснил, что считает общественную и культурную роль таких героев совершенно исчерпанной, а сами они заслуживают разве что снисходительной жалости.

ЧТО ПОВЛИЯЛО НА АВТОРА?

Принято считать, что в первую очередь на Тургенева повлияли произведения Пушкина. Сюжет «Дворянского гнезда» неоднократно сопоставлялся с историей «Евгения Онегина». В обоих произведениях приехавший в провинцию европеизированный дворянин сталкивается с оригинальной и независимой девушкой, на воспитание которой влияла и дворянская, и простонародная культура (между прочим, и пушкинская Татьяна, и тургеневская Лиза сталкиваются с крестьянской культурой благодаря общению с няней). В обоих между героями возникают любовные чувства, однако в силу стечения обстоятельств им не суждено остаться вместе.

Понять смысл этих параллелей проще в литературном контексте. Критики 1850-х были склонны противопоставлять друг другу «гоголевское» и «пушкинское» направления в русской литературе. Наследие Пушкина и Гоголя стало особенно актуально в эту эпоху, если учесть, что в середине 1850-х, благодаря смягчившейся цензуре, стало возможно опубликовать достаточно полные издания сочинений обоих авторов, куда вошли многие ранее неизвестные современникам произведения. На стороне Гоголя в этом противостоянии выступал, среди

прочих, Чернышевский, видевший в авторе «Мертвых душ» прежде всего сатирика, обличавшего общественные пороки, а в Белинском — лучшего истолкователя его творчества. Соответственно, к «гоголевскому» направлению причисляли таких писателей, как Салтыков-Щедрин и его многочисленных подражателей. Странники «пушкинского» направления были намного ближе к Тургеневу: неслучайно собрание сочинений Пушкина издавал Анненков, друг Тургенева, а наиболее известный отзыв на это издание написал Александр Дружинин — еще один покинувший «Современник» автор, который был с Тургеневым в неплохих отношениях. Тургенев в этот период явно ориентирует свою прозу именно на «пушкинское» начало, как его понимала тогдашняя критика: литература должна не напрямую обращаться к общественно-политическим проблемам, а постепенно влиять на публику, которая формируется и воспитывается под влиянием эстетических впечатлений и в конечном итоге становится способна к ответственным и достойным поступкам в самых разных сферах, включая общественно-политическую. Дело литературы — способствовать, как сказал бы Шиллер, «эстетическому воспитанию».

КАК ЕЕ ПРИНЯЛИ?

Большинство литераторов и критиков были в восторге от тургеневского романа, соединившего поэтическое начало и общественную актуальность. Анненков начал свою рецензию на роман так: «Трудно сказать, начиная разбор нового произведения г. Тургенева, что более заслуживает внимания: само ли оно со всеми своими

достоинствами, или необычайный успех, который встретил его во всех слоях нашего общества. Во всяком случае, стоит серьезно подумать о причинах того единственного сочувствия и одобрения, того восторга и увлечения, которые вызваны были появлением «Дворянского гнезда». На новом романе автора сошлись люди противоположных партий в одном общем приговоре; представители разнородных систем и воззрений подали друг другу руку и выразили одно и то же мнение». Особенно эффектной была реакция поэта и критика Аполлона Григорьева, который посвятил тургеневскому роману цикл статей и восхищался стремлением писателя в лице главного героя изобразить «привязанность к почве» и «смирение перед народною правдою».

Впрочем, у некоторых современников мнения были иные. Например, по воспоминаниям литератора Николая Луженовского, Александр Островский заметил: «Дворянское гнездо», напр[имер], очень хорошая вещь, но Лиза для меня невыносима: эта девушка точно страдает вогнанной внутрь золотухой».

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ?

Интересным образом роман Тургенева довольно быстро перестал восприниматься в качестве злободневного и актуального произведения и далее часто оценивался как пример «чистого искусства». Возможно, на это повлияли вызвавшие значительно больший резонанс «Отцы и дети», благодаря которым в русскую литературу вошел образ «нигилиста», на несколько десятилетий ставший предметом бурных споров и различных литературных интерпретаций. Тем не менее

роман пользовался успехом: уже в 1861 году вышел авторизованный французский перевод, в 1862-м — немецкий, в 1869-м — английский. Благодаря этому роман Тургенева до конца XIX века был одним из самых обсуждаемых за рубежом произведений русской литературы. Исследователи пишут о его влиянии, например, на Генри Джеймса и Джозефа Конрада.

ПОЧЕМУ «ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО» БЫЛО ТАКИМ АКТУАЛЬНЫМ РОМАНОМ?

Время публикации «Дворянского гнезда» было исключительным для императорской России периодом, который Федор Тютчев (задолго до хрущевских времен) называл оттепелью. Первые годы правления Александра II, взшедшего на престол в конце 1855 года, сопровождались поразившим современников ростом гласности (еще одно выражение, которое теперь ассоциируется с совсем другой эпохой). Поражение в Крымской войне воспринималось и в среде правительственных чиновников, и в образованном обществе как симптом глубочайшего кризиса, охватившего страну. Принятые в николаевские годы определения российского народа и империи, опиравшиеся на известную доктрину «официальной народности», казались совершенно неадекватными. В новую эпоху требовалось заново интерпретировать нацию и государство.

Многие современники были уверены, что литература может в этом помочь, фактически способствуя начатым правительством реформам. Неслучайно в эти годы правительство предлагало писателям, например, участвовать в составлении репертуара

государственных театров или составлять статистическое и этнографическое описание Поволжья. Хотя действие «Дворянского гнезда» происходит в 1840-е, в романе отразились актуальные проблемы эпохи его создания. Например, в споре Лаврецкого с Паншиным главный герой романа доказывает «невозможность скачков и надменных переделок с высоты чиновничьего самосознания — переделок, не оправданных ни знанием родной земли, ни действительной верой в идеал, хотя бы отрицательный», — очевидно, эти слова относятся к планам правительственных реформ. Подготовка отмены крепостного права сделала очень актуальной тему отношений между сословиями, которая во многом определяет предысторию Лаврецкого и Лизы: Тургенев пытается представить публике роман о том, как человек может осмыслить свое место в российском обществе и истории. Как и в других его произведениях, «история проникла внутрь персонажа и работает изнутри. Его свойства порождены данной исторической ситуацией и вне этого не имеют смысла»^{*1}.

КТО И ПОЧЕМУ ОБВИНЯЛ ТУРГЕНЕВА В ПЛАГИАТЕ?

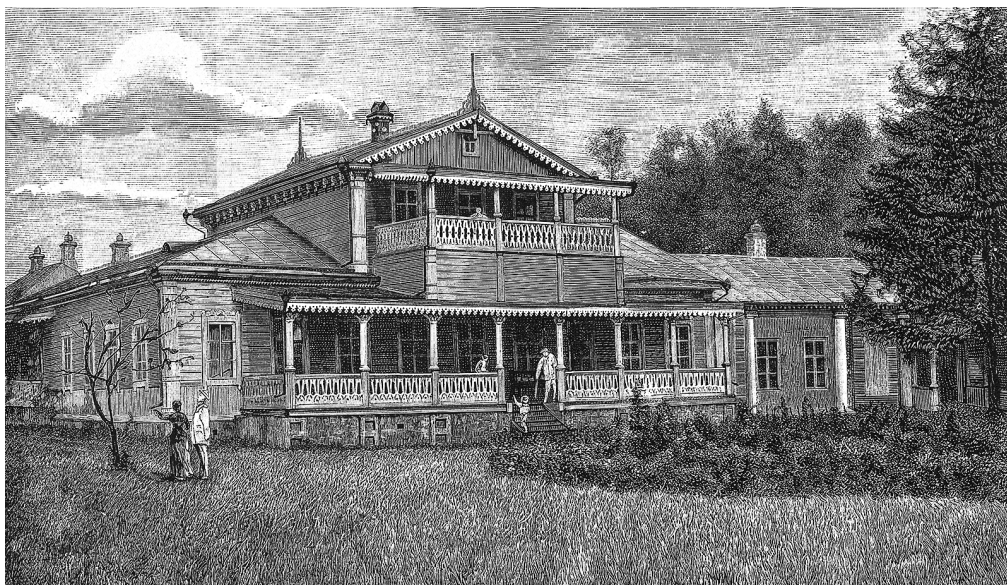
В конце работы над романом Тургенев читал его некоторым своим друзьям и воспользовался их замечаниями, дорабатывая свое произведение для «Современника», причем особенно дорожил мнением Анненкова (который, по воспоминаниям присутствовавшего на этом чтении Ивана Гончарова,

порекомендовал Тургеневу включить в повествование предысторию главной героини Лизы Калитиной, объясняющую истоки ее религиозных убеждений. Исследователи действительно обнаружили, что соответствующая глава была вписана в рукопись позже).

Иван Гончаров от тургеневского романа остался не в восторге. За несколько лет до того он рассказал автору «Дворянского гнезда» о замысле собственного произведения, посвященного художнику-дилетанту, попадающему в российскую глубинку. Услышав в авторском чтении «Дворянское гнездо», Гончаров был взбешен: тургеневский Паншин (среди прочего, художник-дилетант), как ему показалось, был «заимствован» из «программы» его будущего романа «Обрыв», к тому же образ его был искажен; глава о предках главного героя тоже показалась ему результатом литературной кражи, как и образ строгой старухи-барыни Марфы Тимофеевны. После этих обвинений Тургенев внес в рукопись некоторые изменения, в частности изменив диалог Марфы Тимофеевны с Лизой, который происходит после ночного свидания Лизы и Лаврецкого. Гончаров, казалось, был удовлетворен, однако в следующем большом произведении Тургенева — романе «Накануне» — вновь обнаружил образ художника-дилетанта. Конфликт Гончарова и Тургенева привел к большому скандалу в литературных кругах. Собранный для его разрешения ареопаг^{*2} из авторитетных литераторов и критиков оправдал Тургенева, однако Гончаров еще несколько десятилетий подозревал автора «Дворянского гнезда» в плагиате. «Обрыв»

^{*1} Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. — Л.: Художественная литература, 1967. — С 295.

^{*2} Орган власти в Древних Афинах, который состоял из представителей родовой аристократии. В переносном значении — собрание авторитетных лиц для решения важного вопроса.

Спасское-Лутовиново, родовое имение Тургенева.
Гравюра М. Рашевского по фотографии Вильяма Каррика

вышел только в 1869 году и не пользовался таким успехом, как первые романы Гончарова, который винил в этом именно Тургенева. Постепенно убежденность в недобросовестности Тургенева превратилась у Гончарова в настоящую манию: писатель, например, был уверен, что агенты Тургенева копируют его черновики и передают их Гюставу Флоберу, который сделал себе имя благодаря гончаровским произведениям.

ЧТО ОБЩЕГО У ГЕРОЕВ ТУРГЕНЕВСКИХ РОМАНОВ И ПОВЕСТЕЙ?

Известный филолог Лев Пумпянский писал, что первые четыре тургеневских романа («Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне» и «Отцы и дети») представляют

собой образец «романа испытания»: сюжет их строится вокруг исторически сложившегося типа героя, который проходит испытание на соответствие роли исторического деятеля. Для проверки героя служат не только, например, идейные споры с оппонентами или общественная деятельность, но и любовные отношения. Пумпянский, по мнению современных исследователей, во многом преувеличил, однако в целом его определение, видимо, верно. Действительно, главный герой находится в центре романа, а происходящие с этим героем события позволяют решить, может ли он называться достойным человеком. В «Дворянском гнезде» это выражается буквально: Марфа Тимофеевна требует от Лаврецкого подтвердить, что он «честный человек», из опасений за судьбу Лизы — и Лаврецкий доказывает, что способен совершить что-либо непорядочное.

Темы счастья, самоотречения и любви, воспринимаемых как важнейшие качества человека, Тургенев поднимал уже в своих повестях 1850-х годов. Например, в повести «Фауст» (1856) главную героиню буквально убивает пробуждение любовного чувства, которое ею самую осмысляется как грех. Трактовка любви как иррациональной, непостижимой, почти сверхъестественной силы, которая зачастую угрожает человеческому достоинству или по крайней мере способности следовать своим убеждениям, характерна, например, для повестей «Переписка» (1856) и «Первая любовь» (1860). В «Дворянском гнезде» отношения едва ли не всех героев, кроме Лизы и Лаврецкого, характеризуются именно таким образом — достаточно вспомнить характеристику связи Паншина и жены Лаврецкого: «Варвара Павловна его поработила, именно поработила: другим словом нельзя выразить ее неограниченную, безвозвратную, безответную власть над ним».

Наконец, предыстория Лаврецкого, сына дворянина и крестьянки, напоминает о главной героине повести «Ася» (1858). В рамках романного жанра Тургенев смог соединить эти темы с общественно-исторической проблематикой.

ГДЕ В «ДВОРЯНСКОМ ГНЕЗДЕ» ОТСЫЛКИ К СЕРВАНТЕСУ?

Один из важных тургеневских типов в «Дворянском гнезде» представлен героем Михалевичем — «энтузиастом и стихотворцем», который «придерживался еще фразеологии тридцатых годов». Этот герой

в романе подается с изрядной долей иронии; достаточно вспомнить описание его бесконечного ночного спора с Лаврецким, когда Михалевич пытается определить своего друга и с каждым часом отвергает свои же формулировки: «ты не скептик, не разочарованный, не вольтериянец, ты — байбак*¹, и ты злостный байбак, байбак с сознанием, не наивный байбак». В споре Лаврецкого с Михалевичем особенно проявляется актуальная проблематика: роман был написан в период, который современники оценивали как переходную эпоху в истории.

И когда же, где же вздумали люди обайбачиться? — кричал он в четыре часа утра, но уже несколько осипшим голосом. — У нас! теперь! в России! когда на каждой отдельной личности лежит долг, ответственность великая перед Богом, перед народом, перед самим собою! Мы спим, а время уходит; мы спим...

Комизм в том, что Лаврецкий считает главной целью современного дворянина совершенно практическое дело — научиться «землю пахать», тогда как упрекающий его в лени Михалевич никакого дела по себе найти не смог.

Этот тип, представитель поколения идеалистов 1830–1840-х годов, человек, величайшим талантом которого было умение понимать актуальные философские и общественные идеи, искренне им сочувствовать и передавать их другим, был выведен Тургеневым еще в романе «Рудин». Как и Рудин, Михалевич — вечный странник, явно напоминающий «рыцаря печального образа»: «Даже сидя в тарантасе, куда вынесли его плоский, желтый, до странности

*¹ Степной сурок. В переносном значении — неповоротливый, ленивый человек.

легкий чемодан, он еще говорил; окутанный в какой-то испанский плащ с порыжелым воротником и львиными лапами вместо застежек, он еще развивал свои воззрения на судьбы России и водил смуглой рукой по воздуху, как бы рассеивая семена будущего благоденствия». Михалевич для автора — прекраснородушный и наивный Дон Кихот (знаменитая речь Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот» была написана вскоре после «Дворянского гнезда»). Михалевич «влюблялся без счета и писал стихотворения на всех своих возлюбленных; особенно пылко воспел он одну таинственную чернокудрую “панну”...», которая, судя по всему, была женщиной легкого поведения. Аналогия со страстью Дон Кихота к крестьянке Дульсинее очевидна: герой Сервантеса точно так же неспособен понять, что его возлюбленная не соответствует его идеалу. Однако в центр романа на сей раз помещен не наивный идеалист, а совсем другой герой.

ПОЧЕМУ ЛАВРЕЦКИЙ ТАК СОЧУВСТВУЕТ МУЖИКУ?

Отец главного героя романа — европеизированный барин, воспитавший сына по своей «системе», заимствованной, видимо, из сочинений Руссо; его мать — простая крестьянка. Результат получается довольно необычный. Перед читателем оказывается образованный русский дворянин, умеющий

прилично и достойно себя держать в обществе (манеры Лаврецкого постоянно плохо оценивает Марья Дмитриевна, но автор прозрачно намекает, что она сама не умеет держаться в действительно хорошем обществе). Он читает журналы на разных языках, но при этом тесно связан с российской жизнью, в особенности простонародной. В этой связи замечательны два его любовных увлечения: парижская львица Варвара Павловна и глубоко религиозная Лиза Калитина, воспитанная простой русской няней. Тургеневский герой неслучайно вызвал восторг Аполлона Григорьева, одного из создателей почвенничества*¹: Лаврецкий действительно способен искренне посочувствовать мужику, потерявшему сына, а когда сам терпит крах всех своих надежд, утешается тем, что окружающие его простые люди страдают не меньше. Вообще связь Лаврецкого с простым народом и старым, не европеизированным барством подчеркивается в романе постоянно. Узнав, что живущая по последним французским модам жена ему изменяет, он испытывает совсем не светскую ярость: «...он почувствовал, что в это мгновение он был в состоянии истерзать ее, избить ее до полусмерти, по-мужицки, задушить ее своими руками». В воображаемом разговоре с женой он возмущенно говорит: «Вы со мной напрасно пошутили; прадед мой мужиков за ребра вешал, а дед мой сам был мужик». В отличие от предыдущих центральных героев

*¹ Общественное и философское направление в России 1860-х годов. Основные принципы почвенничества были сформулированы сотрудниками журналов «Время» и «Эпоха» Аполлоном Григорьевым, Николаем Страховым и братьями Достоевскими. Почвенники занимали некую среднюю позицию между лагерями западников и славянофилов. Федор Достоевский в «Объявлении о подписке на журнал “Время” на 1861 год», считающемся манифестом почвенничества, писал: «Русская идея, может быть, будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа в отдельных своих национальностях; что, может быть, все враждебное в этих идеях найдет свое примирение и дальнейшее развитие в русской народности».

тургеневской прозы, у Лаврецкого «здоровая природа», он хороший хозяин, человек, которому буквально на роду написано жить дома и заниматься семьей и хозяйством.

В ЧЕМ СМЫСЛ ПОЛИТИЧЕСКОГО СПОРА ЛАВРЕЦКОГО И ПАНШИНА?

Убеждения главного героя соответствуют его происхождению. В конфликте со столичным чиновником Паншиным Лаврецкий выступает против реформаторского проекта, согласно которому европейские общественные «учреждения» (в современном языке — «институты») способны преобразовать саму народную жизнь. Лаврецкий «требовал прежде всего признания народной правды и смирения перед нею — того смирения, без которого и смелость противу лжи невозможна; не отклонился, наконец, от заслуженного, по его мнению, упрёка в легкомысленной растрате времени и сил». Автор романа явно сочувствует Лаврецкому: Тургенев, конечно, сам был высокого мнения о западных «учреждениях», но, судя по «Дворянскому гнезду», далеко не так хорошо оценивал отечественных чиновников, пытавшихся эти «учреждения» внедрить.

КАК СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЯ ГЕРОЕВ ВЛИЯЕТ НА ИХ СУДЬБУ?

Из всех тургеневских героев у Лаврецкого — самая подробная родословная: читатель узнаёт не только о его родителях, но и обо всем роде Лаврецких, начиная с его прадеда. Конечно, это отступление призвано показать укорененность героя в истории, его живую

связь с прошлым. В то же время это прошлое оказывается у Тургенева очень темным и жестоким, — собственно, это история России и дворянского сословия. Буквально вся история рода Лаврецких построена на насилии. Жена его прадеда Андрея прямо сопоставляется с хищной птицей (у Тургенева это всегда значимое сравнение — достаточно вспомнить финал повести «Вешние воды»), а про их отношения читатель буквально не узнаёт ничего, кроме того, что супруги все время находились в состоянии войны друг с другом: «Пучеглазая, с ястребиным носом, с круглым желтым лицом, цыганка родом, вспылчивая и мстительная, она ни в чем не уступала мужу, который чуть не уморил ее и которого она не пережила, хотя вечно с ним грызлась». Жена их сына Петра Андреича, «смирница», была в подчинении у мужа: «Она любила кататься на рысаках, в карты готова была играть с утра до вечера и всегда, бывало, закрывала рукой записанный на нее копейный выигрыш, когда муж подходил к игорному столу; а все свое приданое, все деньги отдала ему в безответное распоряжение». Отец Лаврецкого Иван любил крепостную девку Маланью, «скромницу», которая во всем подчинялась мужу и его родственникам и была ими полностью отстранена от воспитания сына, что и привело к ее гибели:

Бедная жена Ивана Петровича не перенесла этого удара, не перенесла вторичной разлуки: безропотно, в несколько дней, угасла она. В течение всей своей жизни не умела она ничему сопротивляться, и с недугом она не боролась. Она уже не могла говорить, уже могильные тени ложились на ее лицо, но черты ее по-прежнему выражали терпеливое недоумение и постоянную кротость смирения.

Страницы из сборника «Символы и эмблемата», изданного в Амстердаме в 1705-м и в Петербурге в 1719 году. Сборник состоял из 840 гравюр с символами и аллегориями. Эта загадочная книга составляла единственное чтение впечатлительного и бледного ребенка Федя Лаврецкого. У Лаврецих было одно из переработанных Нестором Максимовичем Амбодиком переизданий начала XIX века: эту книгу в детстве читал сам Тургенев

С хищной птицей сравнивается и Петр Андреевич, узнавший о любовной связи сына: «Ястребом напустился он на сына, упрекал его в безнравственности, в безбожии, в притворстве...» Именно это страшное прошлое отразилось в жизни главного героя, только теперь уже сам Лаврецкий оказался во власти своей жены. Во-первых, Лаврецкий — продукт специфического отцовского воспитания, из-за которого он — от природы неглупый, далеко не наивный человек — женился, совершенно не понимая, что за человек его жена. Во-вторых, сама тема семейного неравенства связывает тургеневского героя и его предков. Герой женился, потому что его не отпускало семейное прошлое, — в дальнейшем его жена станет частью этого прошлого, которое в роковой момент вернется и погубит его отношения с Лизой. Судьба Лаврецкого, которому не суждено

найти родного угла, связана с проклятием его тетки Глафиры, изгнанной по воле жены Лаврецкого: «Знаю, кто меня отсюда гонит, с родового моего гнезда. Только ты помяни мое слово, племянник: не свить же и тебе гнезда нигде, скитаться тебе век». В финале романа Лаврецкий сам о себе думает, что он «одинокий, бездомный странник». В бытовом смысле это неточно: перед нами мысли состоятельного помещика — однако внутреннее одиночество и неспособность найти жизненное счастье оказываются закономерным выводом из истории рода Лаврецих.

Интересны здесь параллели с предысторией Лизы. Ее отец тоже был жестоким, «хищным» человеком, подчинившим себе мать. Есть в ее прошлом и прямое влияние народной этики. При этом Лиза острее, чем Лаврецкий, чувствует свою ответственность за прошлое. Лизина готовность к смирению

и страданию связана не с какой-то внутренней слабостью или жертвенностью, а с сознательным, продуманным стремлением искупить грехи, причем не только свои, но и чужие: «Счастье ко мне не шло; даже когда у меня были надежды на счастье, сердце у меня все щемило. Я всё знаю, и свои грехи, и чужие, и как папенька богатство наше нажил; я знаю всё. Всё это отомолить, отомолить надо».

ЧТО ТАКОЕ ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО?

Сам Тургенев в элегическом тоне писал о дворянских гнездах в рассказе «Мой сосед Радиллов»: «Прадеды наши при выборе места для жительства непременно отбивали десятины две хорошей земли под фруктовый сад с липовыми аллеями. Лет через пятьдесят, много семьдесят, эти усадьбы, “дворянские гнезда”, понемногу исчезали с лица земли, дома сгнивали или продавались на своз, каменные службы превращались в груды развалин, яблони вымирали и шли на дрова, заборы и плетни истреплялись. Одни липы по-прежнему росли себе на славу и теперь, окруженные распашанными полями, гласят нашему ветреному племени о “прежде почивших отцах и братьях”». Параллели с «Дворянским гнездом» заметить нетрудно: с одной стороны, перед читателем не Обломовка, а образ культурного, европеизированного поместья, где высаживают аллеи и слушают музыку; с другой стороны, это поместье обречено на постепенное разрушение и забвение. В «Дворянском гнезде», видимо, именно такая участь уготована имению Лаврецких, чей род прервется на главном герое

(его дочь, судя по эпилогу романа, долго не проживет).

ПОХОЖА ЛИ ЛИЗА КАЛИТИНА НА СТЕРЕОТИП ТУРГЕНЕВСКОЙ ДЕВУШКИ?

Лиза Калитина, вероятно, сейчас относится к числу самых известных тургеневских образов. Необычность этой героини неоднократно пытались объяснить существованием какого-то особого прототипа — здесь указывали и на графиню Елизавету Ламберт, светскую знакомую Тургенева и адресата его многочисленных писем, наполненных философскими рассуждениями, и на Варвару Соковнину (в монашестве Серафиму), судьба которой очень похожа на историю Лизы.

Вероятно, в первую очередь вокруг Лизы строится стереотипный образ тургеневской девушки, о котором принято писать в популярных изданиях и который часто разбирают в школе. В то же время едва ли этот стереотип соответствует тургеневскому тексту. Лизу трудно назвать особо утонченной натурой или возвышенной идеалисткой. Она показана как человек исключительно сильной воли, решительный, самостоятельный и внутренне независимый. В этом смысле на ее образ скорее повлияло не желание Тургенева создать образ идеальной барышни, а представления писателя о необходимости эмансипации и стремление показать внутренне свободную девушку так, чтобы эта внутренняя свобода не лишала ее поэтичности. Ночное свидание с Лаврецким в саду для девушки того времени было поведением совершенно непристойным — в том,

Село Шаблыкино, где часто охотился Тургенев.
Литография Рудольфа Жуковского по собственному рисунку. 1840 год

что Лиза на него решилась, проявляется ее полная внутренняя независимость от мнений окружающих. Поэтический эффект ее образу придает очень своеобразная манера описания. О чувствах Лизы повествователь обычно сообщает ритмизованной прозой, очень метафоричной, иногда даже пользуясь звуковыми повторами: «Никто не знает, никто не видел и не увидит никогда, как, призванное к жизни и расцветанию, наливается и зреет зерно в лоне земли». Аналогия между растущей в сердце героини любовью и естественным природным процессом призвана не объяснить какие-то психологические свойства героини, а, скорее, намекнуть на что-то, что находится за пределами возможностей обычного языка. Неслучайно сама Лиза говорит, что у нее «своих слов нет», — точно так же, например, в финале романа повествователь

отказывается рассказывать о переживаниях ее и Лаврецкого: «Что подумали, что почувствовали оба? Кто узнает? Кто скажет? Есть такие мгновения в жизни, такие чувства... На них можно только указать — и пройти мимо».

ПОЧЕМУ ГЕРОИ ТУРГЕНЕВА ВСЕ ВРЕМЯ СТРАДАЮТ?

Насилие и агрессия пронизывают у Тургенева всю жизнь; живое существо, кажется, не может не страдать. В повести Тургенева «Дневник лишнего человека» (1850) герой противопоставлялся природе, потому что был наделен самосознанием и остро чувствовал приближающуюся смерть. В «Дворянском гнезде», однако, стремление к разрушению и саморазрушению показано как

свойственное не только людям, но и всей природе. Марфа Тимофеевна говорит Лаврецкому, что никакое счастье для живого существа невозможно в принципе: «Уж на что я, бывало, завидовала мухам: вот, думала я, кому хорошо на свете пожить; да услышала раз ночью, как муха у паука в лапках ноет, — нет, думаю, и на них есть гроза». На своем, более простом, уровне о саморазрушении говорит старый слуга Лаврецкого Антон, знавший проклявшую его тетку Глафиру: «Он рассказал Лаврецкому, как Глафира Петровна перед смертью сама себя за руку укусила, — и, помолчав, сказал со вздохом: “Всяк человек, барин-батюшка, сам себе на съедение предан”». Тургеневские герои живут в страшном и равнодушном мире, и здесь, в отличие от исторических обстоятельств, ничего поправить, вероятно, не удастся.

КАК ТУРГЕНЕВ ИЗОБРАЖАЕТ ЛЮБОВНОЕ ЧУВСТВО?

За «Дворянским гнездом» закрепились репутация блестящего изображения любовного чувства. При этом Тургенев по преимуществу описывает скорее внешние проявления того, как любовь развивается и зарождается. Передать саму любовь словами оказывается практически невозможно. Неслучайно объяснению Лизы и Лаврецкого сопутствует поэтическое описание музыкального произведения, которое создает учитель-немец Лемм: «...сладкая, страстная мелодия с первого звука охватывала сердце; она вся сияла, вся томила вдохновением, счастьем, красотой, она росла и таяла; она касалась всего, что есть на земле дорогого, тайного, святого; она дышала бессмертной грустью и уходила умирать в небеса».

Париж. Вид на мост Пон-Нёф. Литография Теодора Хоффбауэра, 1840 год.
За границу молодые супруги Лаврецкие уезжают после смерти их маленького сына. В Париже Варвара Павловна Лаврецкая «расцветает, как роза», ведет жизнь, полную удовольствий, и в конце концов изменяет мужу с неким французом

В эпоху работы над «Дворянским гнездом» Тургенев увлекался философией Шопенгауэра*¹ — и исследователи обращали внимание на некоторые параллели между романом и главной книгой немецкого мыслителя «Мир как воля и представление». Действительно, и природная, и историческая жизнь в романе Тургенева полна насилия и разрушения, в то время как мир искусства оказывается намного более амбивалентным: музыка несет и силу страсти, и своего рода освобождение от власти реального мира.

ПОЧЕМУ У ТУРГЕНЕВА ТАК МНОГО ГОВОРЯТ ПРО СЧАСТЬЕ И ДОЛГ?

Ключевые споры между Лизой и Лаврецким идут о праве человека на счастье и необходимости смирения и отречения. Для героев романа исключительную важность играет тема религии: неверующий Лаврецкий отказывается согласиться с Лизой. Тургенев не пытается решить, кто из них прав, однако показывает, что долг и смирение необходимы не только человеку религиозному — долг значим также и для общественной жизни, в особенности для людей с таким историческим бэкграундом,

как герои Тургенева: русское дворянство в романе изображено не только как носитель высокой культуры, но и как сословие, представители которого веками угнетали и друг друга, и окружающих людей. Выводы из споров, впрочем, неоднозначны. С одной стороны, новое поколение, свободное от тяжелого груза прошлого, легко добивается счастья, — возможно, впрочем, что удастся это благодаря более удачному стечению исторических обстоятельств. В конце романа Лаврецкий обращает к молодому поколению мысленный монолог: «Играйте, веселитесь, растите, молодые силы... жизнь у вас впереди, и вам легче будет жить: вам не придется, как нам, отыскивать свою дорогу, бороться, падать и вставать среди мрака; мы хлопотали о том, как бы уцелеть — и сколько из нас не уцелело! — а вам надобно дело делать, работать, и благословение нашего брата, старика, будет с вами». С другой стороны, сам Лаврецкий отказывается от претензий на счастье и во многом соглашается с Лизой. Если учесть, что трагизм, по Тургеневу, вообще присущ человеческой жизни, веселье и радость «новых людей» оказываются во многом знаком их наивности, а опыт несчастья, через который прошел Лаврецкий, может быть для читателя не менее ценным.

*¹ Артур Шопенгауэр (1788–1860) — немецкий философ. Согласно его главному труду «Мир как воля и представление», мир воспринимается разумом, поэтому является субъективным представлением. Объективной реальностью и организующим началом в человеке является воля. Но эта воля слепа и иррациональна, поэтому превращает жизнь в череду страданий, а мир, в котором мы живем, — в «наихудший из миров».

Дворянское
гнездо

I

Весенний, светлый день клонился к вечеру; небольшие розовые тучки стояли высоко в ясном небе и, казалось, не плыли мимо, а уходили в самую глубь лазури.

Перед раскрытым окном красивого дома, в одной из крайних улиц губернского города О... (дело происходило в 1842 году), сидели две женщины — одна лет пятидесяти, другая уже старушка, семидесяти лет.

Первую из них звали Марьей Дмитриевной Калитиной. Ее муж, бывший губернский прокурор, известный в свое время делец, — человек бойкий и решительный, желчный и упрямый, — умер лет десять тому назад. Он получил изрядное воспитание, учился в университете, но, рожденный в сословии бедном, рано понял необходимость проложить себе дорогу и набить деньгу. Марья Дмитриевна вышла за него по любви: он был недурен собою, умен и, когда хотел, очень любезен. Марья Дмитриевна (в девицах Пестова) еще в детстве лишилась родителей, провела несколько лет в Москве, в институте, и, вернувшись оттуда, жила в пятидесяти верстах от О..., в родовом своем селе Покровском, с теткой да с старшим братом. Брат этот скоро переселился в Петербург на службу и держал и сестру и тетку в черном теле, пока внезапная смерть не положила предела его поприщу. Марья Дмитриевна наследовала Покровское, но не долго жила в нем; на второй же год после ее свадьбы с Калитиным, который в несколько дней успел покорить ее сердце, Покровское было променено на другое имение, гораздо более доходное, но некрасивое и без усадьбы; и в то же время Калитин приобрел дом в городе О..., где и поселился с женою на постоянное жительство. При доме находился большой сад; одной стороной он выходил прямо в поле, за город. «Стало быть, — решил Калитин, большой неохотник до сельской тишины, — в деревню таскаться незачем». Марья Дмитриевна не раз в душе пожалела о своем хорошеньком Покровском с веселой речкой, широкими лугами и зелеными рощами; но она ни в чем не прекословила мужу и благоговела пред его умом и знанием света. Когда же, после пятнадцатилетнего

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru